

Барбара ТАКМАН

Барбара ТАКМАН

**Ода политической
глупости**
От Трои до Вьетнама

АСТ
МОСКВА

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Т15

Серия «Политика»

Barbara W. Tuchman

THE MARCH OF FOLLY: FROM TROY TO VIETNAM

Перевод с английского Ю. Яблокова, Н. Омелянович

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Russell & Volkening, Inc. и Prava i Prevodi International Literary Agency

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербурге)

Такман, Барбара.

Т15 Ода политической глупости. От Трои до Вьетнама / Барбара Такман ; [пер. с англ. Ю. Яблокова, Н. Омелянович]. — Москва : АСТ, 2015. — 544 с. — (Политика).

ISBN 978-5-17-090054-1

От Троянской войны — до раскола католической церкви и Реформации.
От позорного поражения Британии в Войне за независимость США — до не менее позорной катастрофы, постигшей США во Вьетнаме.

Можно ли было всего этого избежать?

От верного или неверного решения политиков зависит многое, временами — даже слишком многое.

Так что же заставляет власть имущих снова и снова совершать роковые ошибки, имеющие зачастую чудовищные последствия?

Глупость? Некомпетентность? Злой умысел? Чрезмерные амбиции? Или что-то еще?

Барбара Такман, дважды лауреат Пулитцеровской премии, размышляет в своей интересной и увлекательной книге о самых известных роковых ошибках политиков в истории человечества...

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

© Barbara W. Tuchman, 1984

© Перевод. Ю. Яблоков, 2013

© Перевод. Н. Омелянович, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090054-1

Не вижу причин, почему кто-то может предполагать, что мотивы прошлого не прозвучат в будущем снова, как и прежде... Разумные люди используют их для разумных свершений, безумцы обратят их в абсурд и беды.

*Джозеф Кэмпбелл. Предисловие к книге
«Маски бога: первобытная мифология» (1969)*

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне хотелось бы поблагодарить тех, кто внес свой вклад в эту книгу: профессора Уильяма Уилкокса, ответственного редактора архива Бенджамина Франклина в Йельском университете, за критическое прочтение четвертой главы; Ричарда Дадмена, бывшего шефа бюро «Сент-Луис пост диспэтч» в Вашингтоне и автора книги «Сорок дней с врагом» (записи о пребывании в плену в Камбодже), за прочтение пятой главы; профессора Нельсона Минника из Американского Католического университета за прочтение третьей главы. Прочтение не подразумевает согласия, особенно в последнем случае. Ответственность за все истолкования и мнения несу я одна.

За консультирование и разнообразную помощь я благодарна: профессору исторического факультета Гарвардского университета Бернару Бейлину; доктору Питеру Данну, автору исследования по возвращению французских войск во Вьетнам в 1945 году; Джеффри Рейсу за то, что он познакомил меня с истинным смыслом термина «когнитивный диссонанс»; полковнику Гарри Саммерсу из Армейского военного колледжа; Дженис Креслинс из библиотеки Совета по международным отношениям, а также всем людям, упомянутым в библиографии к пятой главе, — они были так добры, что уделили время для бесед со мной.

Я в долгу перед профессором факультета античной литературы Гарвардского университета Эмили Вермюэль, перед Джоан Сасслер из музея Льюиса-Уолпола в Фармингтоне, штат Коннектикут, и ее коллегой Марком Пактером из Национальной портретной галереи в Вашингтоне; перед отделом

репродукций и иллюстраций, а также греко-римским отделом Музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке; перед отделом репродукций и фотографий Библиотеки Конгресса США; перед Чарльзом Грином из Музея карикатур, Кэтрин Прентисс из Совета газет и комиксов; перед Эстер Грин из «Эй Эм Хит энд компани» в Лондоне за ее работу в Национальной портретной галерее (в Лондоне) и Британском музее. Своим воплощением в печатном виде моя рукопись обязана Мэри Макгвайр из издательства «Альфред Нопф», которая не сбилась с пути в потоке разобщенных материалов и укрепила слабые места. Особая благодарность Робин Соммер за самоотверженный и эффективный контроль над точностью корректуры.

Также я благодарна своему мужу, доктору Лестеру Р. Такману, за предложение упомянуть Ровоама и за то, что он отыскал материалы о древней продолжительной войне ассирийцев; моей дочери и зятю, Люси и Дэвиду Айзенбергам, и моей дочери Эльме Такман за прочтение рукописи и полезные замечания; моему агенту Тимоти Селдсу из агентства «Рассел энд Волкенинг» за уделенное время и оказанную помощь всегда, когда была необходимость; и моему редактору и издателю Роберту Готтлибу за критические замечания и за то, что он терпеливо выслушивал по телефону сетования и причитания автора.

Барбара Такман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛИТИКА ПРОТИВ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

На протяжении всей истории человечества, независимо от времени и места, правители всегда преследовали скорее политические цели, нежели личные интересы. По сравнению почти со всеми прочими сферами своей деятельности человек, можно сказать, хуже всего проявил себя в правлении. Мудрость, которую можно определить как вынесение суждений на основе опыта, здравого смысла и доступной информации, в этой области работает хуже и разочаровывает больше, чем должна бы. Почему люди, занимающие высшие посты, столь часто действуют вопреки разуму и личному мнению, которое является верным? Почему столь часто подводит нас сам процесс мышления в правильном направлении?

Начать хотя бы с того, почему правители Трои согласились ввезти подозрительного деревянного коня в свои стены, несмотря на множество причин ожидать от ахейцев подвоха? Почему сменявшие один другого министры Георга III настаивали на политике принуждения, а не умиротворения американских колоний, несмотря на доводы многих советников — мол, из этого может получиться больше вреда, чем пользы? Почему Карл XII и Наполеон, а после Гитлер пытались завоевать Россию, несмотря на неудачи предшественников? Почему Монтесума, имевший в своем распоряжении лютую неуправляемую армию и город с населением в 300 тысяч человек, пассив-

но сдался нескольким сотням чужеземных завоевателей даже после того, как стало ясно, что они простые смертные, а не боги? Почему Чан Кайши отказывался прислушаться к здравому смыслу и не задумывался о реформах до тех пор, пока однажды утром не увидел, что страна ускользнула от него? Почему государства-импортеры нефти конкурируют друг с другом за доступные запасы, хотя единый фронт по отношению к экспортерам помог бы им контролировать ситуацию? Почему в последнее время британские профсоюзы разыгрывают глупые спектакли и периодически парализуют страну, видимо полагая, что они — сами по себе и к остальному обществу не имеют никакого отношения? Почему американский бизнес настаивает на «расширении», тем временем истощая основные ресурсы, необходимые для жизни на нашей планете, — почву, воду и чистый воздух? (Профсоюзы и бизнес не являются непосредственно правлением в политическом смысле, однако они оказывают влияние на ситуации управления.)

В любой области, кроме правления, человек достиг невероятного: в наши дни он изобрел аппараты для полетов от Земли до Луны; в прошлом укротил ветер и электричество, поднял с земли камни и превратил их в устремленные к небу соборы, соткал шелк из коконов, сотворил музыкальные инструменты, заставил двигатель работать от пара, остановил развитие болезней либо излечил от них, заставил отступить Северное море и создал на его месте сушу, классифицировал все формы жизни, проник в тайны космоса. «Прочие науки продвинулись далеко вперед, — признавал наш второй президент Джон Адамс, — однако наука управления не сдвинулась с места, сегодня она работает почти так же, как три или четыре тысячи лет назад».

Плохое правление существует в четырех формах, которые часто сочетаются. Это 1) тирания или гнет (подобных примеров в истории слишком много и они слишком хорошо известны, чтобы их приводить); 2) чрезмерные амбиции, такие как предпринятая Афинами попытка завоевать Сицилию в Пелопоннесской войне; попытка Филиппа II покорить Англию с помощью Великой Армады; задуманный «высшей расой» и дважды предпринятый Германией захват Европы; претензии

Японии на господство в Азии; 3) некомпетентность или своенравие. Эта книга повествует о последнем в различных конкретных проявлениях, а именно — в осуществлении той или иной политики вопреки личным интересам при участии избирателей или государства. Личный интерес — это все, что способствует благоденствию или выгоде тех, кем правят, тогда как безумие — это политика, которая при данных условиях приводит к обратным результатам.

Чтобы политику можно было назвать безумной, она должна отвечать трем условиям.

Во-первых, ее должны признать нецелесообразной уже современники, а не только потомки. Это важно, потому что политика определяется продолжительностью. «Нет ничего более несправедливого, — сказал как-то английский историк, — чем судить людей прошлого представлениями настоящего. Что бы ни говорили о морали, политическая мудрость — это определенно временное явление». Чтобы не судить современными ценностями, мы должны помнить о времени и исследовать только те эпизоды, которым недоставало благоразумия, по мнению их современников.

Во-вторых, должен существовать альтернативный ход действий. Чтобы отделить проблему от личности, третий критерий должен быть таким: такой политики обязана придерживаться группа людей, а не индивидуальный правитель, и эта политика должна просуществовать дольше срока правления одного человека. Плохое правление одного монарха или тирана встречается слишком часто и оно слишком индивидуально, чтобы заслуживать общего исследования. Коллективное правление или смена правителей в одном и том же кабинете, как в случае римских пап эпохи Возрождения, поднимает более значимую проблему. (Троянский конь, если не вдаваться в подробности, — исключение для того времени, а Ровоам — исключение для людей той поры; но каждый является настолько классическим и ранним примером дошедшей до нас истории правления, что показывает, насколько глубоко укоренился феномен безумия.)

Проявления безумия не зависят ни от эпохи, ни от места; они безвременны и универсальны, хотя привычки и верования

конкретного времени и места определяют их форму. Безумие не связано с режимом: монархия, олигархия и демократия производят его в равной степени. Нет у безумия и приверженности к определенной нации или классу. Рабочий класс, представленный коммунистами, ведет себя у власти не умнее и не эффективнее, чем средний класс, что показывает недавняя история. Мао Цзэдуном можно восхищаться во многих отношениях, но Большой скачок, с его сталелитейными заводами в каждом дворе, и «культурная революция» были упражнениями в безумии, которые сильно помешали прогрессу и стабильности Китая, не говоря уж о репутации председателя Мао. Времена, когда пролетариат был у власти в России, едва ли можно назвать светлыми, хотя спустя шестьдесят лет они, возможно, увенчались своего рода жестоким успехом. Если большинство населения России живет сейчас благополучнее в материальном плане, чем раньше, то цена жестокости и тирании от этого не умалется; возможно, успехи обошлись даже дороже, чем при царях.

Французская революция, великий прототип радикально-либерального управления, быстро вернулась к венценосной автократии, как только нашла способного управленца. Революционные режимы якобинцев и Директории могли собраться с силами, избавиться от внутренних врагов и уничтожить внешних противников, однако не могли управлять даже собственными сторонниками, чтобы поддерживать внутренний порядок, создавать компетентные правительства или собирать налоги. Новый порядок спасли лишь военные кампании Бонапарта, которые военными трофеями пополняли казну, а позже — способность Бонапарта руководить. Он выбирал чиновников по принципу «Карьера открыта талантам» (*la carrière ouverte aux talents*), — и необходимыми талантами считались ум, энергичность, работоспособность и подчинение. Принцип работал до тех пор, пока сам Наполеон, классическая жертва гордыни, из-за слишком высоких запросов не уничтожил себя.

Можно задаться вопросом: почему, если глупость или порочность присущи отдельным людям, мы должны ожидать чего-то другого от правительств? Причина в том, что глупость правительства оказывает глобальное влияние на большее чис-

ло людей, чем глупость одного человека, и, тем самым, обязанность правительства — поступать разумно. Именно так, и если это известно уже давно, почему человечество не предпринимает мер предосторожности и не ограждает себя от неразумия? Такие попытки были, начиная с Платона, предложившего создать особое сословие, которое обучали бы профессионально управлять. Согласно его схеме правящий класс в правильном обществе должен состоять из людей, обученных искусству управления, рациональных и мудрых. Платон признавал, что такие люди встречаются редко, а потому их необходимо выводить и воспитывать методами евгеники. Управление, говорил он, есть особое искусство, в котором, как в любой другой профессии, можно преуспеть только через изучение предмета, и никаким другим способом. Идеалом Платона, красивым и недостижимым, был правитель-философ. «Когда цари философствуют, а философы царствуют — мир благоденствует». А «доколе философы не будут царствовать, или цари не станут философами, не будет спасения — ни государству, ни роду человеческому». И так оно и было.

Глупость и невежество, источники самообмана, суть факторы, играющие весьма важную роль в управлении. Они ведут к оценке ситуации с позиций предвзятости и упрямства, к игнорированию или опровержению любых признаков противоположного. Они действуют по собственному желанию и не позволяют фактам отклонить их от заданного курса. Данный подход кратко описан одним историком в заметках о Филиппе II, короле Испании, переплюнувшем глупостью всех правителей. «Ни один провал не смог поколебать веру Филиппа в исключительное совершенство его политики».

Классическим примером является и «План 17», французский план войны 1914 года, составленный с упором на атаку. Все усилия французов были сосредоточены на продвижении к Рейну, что оставило Францию практически без защиты; эту стратегию можно оправдать лишь абсолютной уверенностью в том, что немцы не смогут собрать достаточно крупную армию, чтобы продолжить вторжение в западную Бельгию и французские прибрежные провинции. Эта самонадеянность исходила из столь же твердого убеждения, что немцы никогда

не перебросят резерв к линии фронта. Свидетельства обратного, которые начали просачиваться в Генеральный штаб Франции в 1913 году, были проигнорированы по приказу, запрещавшему любые «слухи» о возможном продвижении Германии на запад, чтобы не смущать солдат, идущих на восток, к Рейну. Когда началась война, немцы быстро подтянули резервы и продвинулись далеко на восток, в результате обеспечив затяжной характер войны и ее ужасные последствия для нашего века.

Глупость — это еще и отказ учиться на опыте, и в этом никто не способен сравниться со средневековыми правителями XIV века. Не важно, сколь часто и явно девальвация подрывала экономику и озлобляла народ: французская династия Валуа прибегала в ней всякий раз, когда нуждалась в деньгах, — до тех пор пока не вызвала восстание буржуазии. В войне, ремесле правящего класса, глупость особенно очевидна. Не важно, сколь часто кампания, ведущаяся за счет ресурсов вражеской страны, приводила к обнищанию и даже голоду, как во время завоеваний Англией французских земель в Столетней войне, — войны, для которых подобный исход был неизбежен, предпринимались регулярно.

Король Испании начала XVII века, Филипп III, как рассказывают, умер, перегревшись от долгого сидения у горящего камина, а все потому, что слуга, чьей обязанностью было тушить камин, не явился по монаршему зову. В конце XX века кажется, что человечество приближается к подобной стадии самоубийственной глупости. Обстоятельства часто складываются настолько глупо, что имеет смысл выделить только самые значительные: почему бы сверхдержавам не начать взаимное разоружение? почему мы вкладываем все свои умения и ресурсы в гонку вооружения, победа в которой слишком кратковременна, чтобы вообще стоило за нее бороться, а не в попытке изобрести вечный двигатель — другими словами, в жизнь, а не смерть?

На протяжении 2500 лет политические философы, от Платона и Аристотеля, от Фомы Аквинского, Макиавелли, Гоббса, Локка, Руссо, Джефферсона, Мэдисона и Гамильтона до Ницше и Маркса, размышляли над главными вопросами этики, независимости, «общественного договора», прав челове-

ка, власти, баланса свободы и закона. Мало кто, за исключением Макиавелли, который изучал государство таким, каково оно есть, а не таким, каким оно должно быть, хоть немного тревожился по поводу обыкновенной глупости, хотя глупость — хроническая и чрезвычайно распространенная проблема. Шведский канцлер граф Аксель Оксеншерна во время Тридцатилетней войны, при правлении гиперактивного Густава Адольфа, и фактический правитель страны в период правления дочери Густава Кристины, пережил достаточно, чтобы перед смертью прийти к заключению: «Знай, сын мой, как мало мудрости у тех, кто правит миром».

Абсолютизм долго был привычной формой правления, и он оставил немало ярких примеров того, как человеческие качества приводят к безумию в управлении со времен первых письменных источников. Ровоам, иудейский монарх, сын царя Соломона, сменил отца на троне в возрасте 41 года приблизительно в 930 г. до н. э., примерно за век до того, как Гомер сложил греческий национальный эпос. Не теряя времени даром, новый царь совершил безумный поступок, разделив свой народ и навсегда потеряв десять северных племен под общим названием Израиль. Среди них многие были недовольны высокими налогами и обязательным трудом, введенным царем Соломоном, и еще при его царствовании предприняли попытку отделиться. Они сплотились вокруг одного из полководцев Соломона, Иеровоама, «сильного и мужественного человека», который согласился возглавить восстание, из-за пророчества о том, что впоследствии наследует власть над десятью племенами. Господь, заговорив устами реального персонажа — Ахии Силомлянина, — тоже сыграл свою роль, однако его роль и тогда, и после не совсем ясна и, скорее всего, стала выдумкой сказителей, которым почудилось, что здесь не помешает участие Всемогущего. Когда восстание было подавлено, Иеровоам бежал в Египет, где местный правитель Шешонк предоставил ему убежище.

Единоголосно признанный двумя южными коленами (Иуды и Вениамина) царь Ровоам, зная о волнениях в Израиле, тотчас же отправился в Шхем, центр северных племен, чтобы до-